

III

ИДЕЯ ЕДИНСТВА РУСИ В ГОДЫ КНЯЖЕНИЯ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Одно из самых значительных явлений русской средневековой культуры — летописание. Политически острая летопись постоянно служила ориентиром в политической жизни городов, княжеств, областей. В летописи скрещивались все важнейшие идейные течения Руси, в нее вносились наиболее важные документы (договоры, завещания князей, послания) и лучшие исторические литературные произведения.

Возникнув во второй четверти XI в., при Ярославе Мудром, летописание сразу же достигает высоких ступеней развития. Древнейший Киевский свод Ярослава Мудрого и последующие Киево-Печерские своды 1073 и 1093 гг. были, насколько возможно о них судить по сохранившимся в позднейших летописях фрагментам, произведениями государственного размаха и огромной идейной силы.

I

Попытка Ярослава создать вокруг Софии Киевской прочный оплот русского просвещения не удалась. Вслед за русским митрополитом Иларионом, Константинополь снова присылает митрополита — грека. Центр русского просвещения передвигается со второй половины XI в. в Киево-Печерский монастырь, где получали образование первые русские епископы и попы и где книжность и литература нашли себе до поры до времени надежное пристанище.

Первая переработка Древнейшего Киевского свода была произведена около 1073 г. монахом Киево-Печерского монастыря Никоном, книжная деятельность которого оказалась особо отмеченной впоследствии в житии Феодосия. Никон был в свое время (в конце 1060-х годов) сослан в Тмутаракань. Отсюда в своде ряд тмутараканских известий и преданий: о поединке черкеса-касога Редеди с Мстиславом (эпизод этот упомянут в «Слове о полку Игореве»), о хозарской дани и др. Использование фольклора Причерноморья привело к переработке рас-

сказа Древнейшего свода о крещении Руси. Никон ввел в свод так называемую «Корсунскую легенду», рассказывавшую о крещении Владимира не в Киеве, а в Корсуни (Херсонесе), в Крыму, в результате победы, одержанной им над греками.¹

Настроение торжества по поводу водворения нового порядка и христианства, которое охватывало целиком Древнейший свод, сменяется у Никона в новых политических обстоятельствах второй половины XI в. тревогой за судьбу родины, раздираемой феодальными междоусобиями.

Свои политические устремления Никон осторожно выразил, поместив в свод завещание Ярослава Мудрого (произведение, возможно, написанное не Ярославом). В нем Ярослав просит своих сыновей быть «в любви межю собой» и не погубить «землю отец своих и дед своих, иже налезоша трудомъ своимъ великымъ».²

Свод Никона был подвергнут основательной переработке в 1093 г. В этом своде окончательно оформилась центральная часть летописи в том ее виде, в каком она вошла впоследствии в «Повесть временных лет». Это и позволило исследователям летописания назвать свод 1093 г. «Начальным».

Начальный свод проникнут тем же настроением тревоги за судьбу родины, что и предшествующий ему свод Никона. Междоусобия князей приняли к этому времени такой характер, что летописцу приходилось не только призывать к прекращению распрей, но обосновывать и само единство княжеского рода. С этой целью в свод внесена легенда о призвании трех братьев-варягов. Легенда эта заимствована, повидимому, из новгородской летописи, где живы были еще предания о приглашении наемных дружин варягов. Предания эти оказались трансформированы под воздействием эпических мотивов, сильно распространенных и на Западе и на Востоке, о трех братьях — основателях городов, и под влиянием ходячих средневековых легенд о происхождении правящей династии из иноземных государств.

Замечательной особенностью Печерского Начального свода 1095 г. было использование для его составления Новгородской летописи. Киевское летописание становилось, таким образом, общерусским, не только по идее, но и по исполнению.

В обстановке упадка Киевского государства Начальный свод вступил на путь идеализации старых времен и старых князей, которые как бы противопоставлялись и ставились в пример новым. Ратную доблесть и неутомимость в походах больше всего ценит летописец в первых русских князьях. На основании старых дружинных песен летописец вставил в свой свод известную

¹ История русской литературы, т. I. Изд. Инст. литер. Акад. Наук СССР, М. — Л., 1940, стр. 271 (гипотеза покойного В. Л. Комаровича).

² Лаврентьевская летопись под 1054 г.

характеристику Святослава — описал его суровый образ жизни, предприимчивость, подвижность и рыцарское прямодушие, с которым он предупреждал о себе врагов, ввел его энергичные обращения к дружине перед битвами и т. д.

Побуждая князей к активной политике против степи, летописец в полных трагизма и скорби словах повествует о хищных набегах половцев, разорявших Русскую землю, толпами уводивших в рабство население сел и городов. Печальные, с осунувшимися лицами, с ногами в путах, гонимые «незнаемою строною»,¹ мучимые жаждою и голодом пленники со слезами говорили друг другу: «аз бех сего города», «аз сея вси» (села).

Летописец Начального свода принадлежал к тем «смысленным мужам», которые видели несчастье Русской земли в распрях князей, головой пробивавших себе дорогу к Киевскому столу, и не раз обращались к князьям с призывом: «почто вы распряimate межю собою, а погании [язычники — степные народы] губять Землю Русьскую».²

2

Бесспорно одна из лучших русских летописей — «Повесть временных лет», составленная в 1110—1118 г.

В предшествующий созданию «Повести» период, на рубеже XI и XII вв., Киевская Русь испытывает на себе наиболее тяжкие удары кочевников, ставшие жесточайшим народным бедствием. Степные кочевники — половцы — делают отчаянную попытку прорвать оборонительную линию земляных валов, которыми Русь огородила с юга и юго-востока свои степные границы, и осесть в пределах Киевского государства. В 1096 г. половецкий хан Боняк чуть не ворвался в Киев, ограбил и разорил Печерский монастырь, когда монахи спали по кельям. Геснимая с севера половцами и печенегам, а с моря турецким флотом с Чахой во главе, союзная Киеву Византия была бессильна предотвратить грозившую ей самой опасность.

В этот тяжелый период русской истории в Киевской Руси консолидируются силы, стремящиеся к решительному нажиму на степь. Подъем этот совпадает с освободительным движением в Испании против господства мавров и с общим движением в Европе на Восток в отпор наступающим туркам, прервавшим европейскую торговлю с Азией. Русь, составлявшая левый фланг европейской обороны против напора кочевых и полукочевых народов, полукольцом охвативших Европу, объединяется под властью Владимира Мономаха и переходит от пассивной обороны к активному наступлению на степь. Степные походы

¹ Ср. в «Слове о полку Игореве» — «земля незнаема» — половецкая степь.

² Лаврентьевская летопись под 1093 г.

Мономаха сбивают волну половецких набегов и спасают самую Византию от гибели.

Именно в это время составляется замечательный памятник русского летописания — «Повесть временных лет», вся проникнутая единой мыслью о Русской земле, о ее защите, о необходимости единения перед лицом внешней опасности.

«Повесть временных лет» одновременно завершает целый период киевского летописания и вместе с тем является основой всех последующих летописаний, начало которых она, обычно, составляет.

История создания величайшего памятника русского летописания — «Повести временных лет» — чрезвычайно сложна и запутана. Здесь сказались работа целых поколений русских книжников, сказались сложные искания исторической мысли, сложное мировоззрение, в котором боролись аскетические монашеские настроения с реальными запросами русской жизни. Многочисленные литературные источники устные и книжные, русские и иноземные, язык «Повести», то просторечный, близкий к разговорному, то книжный, пересыпанный славянизмами и грецизмами, легли в основу этого грандиозного творения. В создании «Повести» принимали участие две литературные школы — Киево-Печерская и Выдубецкая, по-разному понимавшие свои задачи, но удачно сложившие свои силы в произведении, отличающемся убедительной законченностью, цельностью архитектоники.

В 1110 г. монах Печерского монастыря Нестор переработал Начальный свод 1095 г. К новому своду Нестор привлек византийский исторический материал — хронику Георгия Амартола и его продолжателя, затем компилятивный «Хронограф по великому изложению» и др.

Нестор связал русскую историю с мировой, придал ей центральное значение. Программа летописца и его задачи точно сформулированы в самом названии «Повести»: «Се повесть временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача першее княжити и откуда Русская земля стала есть». Показать Русскую землю в ряду других европейских стран, доказать, что русский народ не без роду и племени, что он имеет свою историю, которой вправе гордиться, — такова замечательная по своему времени цель составителя «Повести». «Повесть временных лет» должна была напомнить князьям о славе и величии родины, о мудрой политике их предшественников и об исконном единстве Русской земли. Задача эта выполнена летописцем с необыкновенным тактом и художественным чутьем. Широкий замысел сообщил спокойствие и неторопливость рассказу летописца, целеустремленность и твердость его суждениям, художественное единство и монументальность всему произведению в целом.

Начало «Повести временных лет» посвящено событиям всемирной истории, предшествующим сложению Киевского государства. Летописец вводит Русь на мировую историческую арену, сообщая самые разнообразные сведения — географические, этнографические, культурно-исторические. Неторопливо раскрывает летописец ту историческую обстановку, в которой родилось Русское государство, рассказывает сперва о народах мира, затем о древнейших судьбах славянского племени и «словенского» языка. Просто и наглядно дает летописец географическое описание Руси, путей, связывающих ее с другими странами, с замечательной последовательностью начиная свое описание с водораздела рек Днепра, Западной Двины, Волги. Далее летописец описывает древнейший быт русских племен, рассматривая их как единый народ, и не забывает при этом упомянуть о соседящих с ними мере, черемисах, муроме и мордве.

Летописец обращает внимание на происхождение русского языка, как на главный признак русской народности. Он выступает первым в русской истории и в истории славянства вообще защитником идеи общеславянского единства: «бе бо един язык Словеньск; а Словеньск язык и Русьский един есть... аще и поляне зъвахуся, но Словеньска речь бе; полями же прозъвашася, зане в поли седяху, а язык Словеньск бысть им един».¹

Чтобы придать особую значительность христианскому просвещению на Руси, составитель «Повести» включил в нее легенду о путешествии апостола Андрея через Русскую землю. Андрей благословил Киевские горы, а в Новгороде посмеялся банному обычаю: «како ся мыють и хвоцются [хлещутся] младыми прутьями» и обливаются «квасом усняным».² «И того ся добьютъ, егда влезуть ли живи и облеются водою студеною и тако оживуть. И то творять мовение себе, — прибавляет Андрей, — а не мучение».³ В этом сочетании торжественного с комическим проявился подлинный художественный темперамент летописца, не боящегося заставить апостола произносить каламбуры.

Собственно русскую историю летописец дополнил договорами русских с греками, взятыми им из княжеского архива, включил легенду о сожжении Ольгой Искоростеня, о белгородском киселе и др.

Обильно отразились в «Повести» произведения устного народного творчества. С русскими былинами роднит «Повесть» главным образом основная, общая им тема — оборона Русской земли от восточных кочевников. Так же, как и русские былицы,

¹ Там же, введение.

² Т. е. наваром из кислой травы, которым мылись в бане.

³ Лаврентьевская летопись, введение.

летописец воспеваает богатырство, силу, доблесть и подвиги русских воинов. Поединщики-богатыри по-былинному решают в летописи исход войны единоборством перед войсками. Один из редких подвигов былинного характера отразился в летописном рассказе о поединке юноши-кожемяки с печенежским богатырем перед лицом двух войск — русского и печенежского.

Летопись рассказывает, как русские, вызванные на единоборство, тщетно искали поединщика, который смог бы противостоять печенежскому богатырю, как затем начал «тужить» князь Владимир и как, наконец, объявился некий старый муж и сказал Владимиру: «Князь, есть у меня один сын — меньшей — дома; с четырьмя вышел я сюда, а тот дома остался. Из детства никто еще не мог его победить: однажды я его журил, а он мял кожу, так в сердцах он разорвал ее руками». Услышав это, князь Владимир обрадовался и послал за младшим сыном старика, кожемякой. Приведенный к князю, неказистый на вид, юноша просит предварительно испытать его и привести ему большого и сильного быка. Быка привели, раздражили его горячим железом и пустили бежать. Когда бык бежал мимо, юноша-кожемяка схватил быка рукой за бок и вырвал ему кусок кожи с мясом. Видя это, Владимир разрешил юноше бороться с печенежским богатырем.

На следующее утро печенеги выпустили своего превеликого и страшного богатыря, а русские — своего. Увидел его печенежин и посмеялся, потому что русский богатырь был мал ростом. Полки измерили место для поединка, и богатыри сошлись. Юноша-кожемяка так сильно сжал печенежина руками, что удавил его и бросил его на землю. Раздался крик в полках, и устрешенные печенеги бежали. Обрадованный Владимир заложил на месте поединка город, а скромного кожемяку сделал «великим мужем».¹

В этом рассказе «Повести» впервые отразилась мысль, ставшая затем излюбленным мотивом русской литературы вплоть до наших дней, о скромности настоящего героизма, о силе народного духа в незаметных внешне героях (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Достоевский и др.). Невысокий ростом ремесленник, пятый сын своего отца, которого даже не берут в поход, а оставляют дома, побеждает превеликого и страшного богатыря-печенежина, против которого не решался выйти никто из профессионалов-воинов.

Спустя короткий срок, в 1116 г., потребовалась новая переработка летописи. Причина, побудившая к этой переработке, заключалась в том, что «Повесть», торжественная и патетичная вначале, не давала ответов на вопросы современной ей политики в известиях, касавшихся княжения Владимира Мономаха.

¹ Там же под 992 г.

На этот раз летописание было перенесено по воле Мономаха в Выдубецкий Михайловский монастырь, державшийся политической ориентации Мономаха. Сторонник Мономаха — игумен Сильвестр — особенно придирчиво переработал последние летописные статьи с 1093 г. по 1110 г., идеализировал Мономаха за его походы на половцев, за властную политику, за ум, за смелость и заботу об общенародных интересах.

Сильвестр не скупится приводить программные речи Мономаха, в которых последний призывал к единству Руси, к твердому отпору наступающей степи: «Почто губим Русьскую Землю, сами на ся котору деюще, а Половци землю нашу несут розно и ради суть, иже межю нами рати; да ноне отселе имемся в едином сердце и блюдем Русские земли». ¹ С сочувствием передает Сильвестр возражения Мономаха дружине, не хотевшей идти в поход на степь, чтобы не губить по весенней распутице лошадей смердов: «дивно ми, дружино, — говорит им Мономах, — оже лошадей жалуете, ею же кто ореть [пахать]; а сего чему не промыслите, оже то начнет орати [пахать] смерд, и приехав половчин ударить и [его] стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ехав иметь жену его и дети его, и все его именье. То лошади жаль, а самого не жаль ли». ²

С той же целью возвеличения общенародных устремлений Мономаха введен в «Повесть» драматичный рассказ попа Василия об ослеплении в междоусобной борьбе с родичами князя Василька Теробовльского. Множество бытовых подробностей и реалий делает этот рассказ одним из самых живых в летописи киевского периода. С потрясающей силой разворачивает рассказ Василия картину феодальных раздоров. Подробно и не торопясь повествует поп Василий, как заманили Василька на именины, как постепенно оставили его одного в комнате, как схватили и везли затем на телеге в Белгород, где бросили в «истобку [избу] малу». Оглядевшись Василько догадался, что хотят с ним сделать, стал кричать и плакать. Вошли конюхи, разостлали ковер и хотели повалить на него Василька. Василько отчаянно отбивался. Конюхи позвали подмогу. Василька схватили и связали, а затем сняли с печи доску, положили ему на грудь и сели по концам. Но Василько и тут сопротивлялся так отчаянно, что сняли с печи и вторую доску и придавили ею «яко персем троскотати [трещать]». Кончив точить нож, овчарь Святополк подошел и ударил им в глаз Василька, но сначала промахнулся и перерезал ему лицо: «И есть рана та Василька и ныне». ³ «По семь же вверте ему ножь в зеницю и изя зеницю, по сем в другое око вврьте ножь и изя другую зеницю». ⁴

¹ Там же под 1097 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Ипатьевская летопись под 1097 г.

Ослепленного, едва живого Василька снова взвалили на телегу и повезли во Владимир Волынский. Трогательный эпизод с окровавленной сорочкой Василька, которую ослепители, остановясь для обеда в Воздвиженске, дали постирать попадье.

«Сего не бывало есть в Русьской земли ни при дедех наших, ни при отцих наших, сякого зла»,¹ — сказал ужаснувшийся при известии об ослеплении Василька Владимир Мономах и послал за Давидом и Олегом Святославичами сказать: «пойдет к Городцю, да поправим сего зла, еже ся створи се в Русьской земли и в нас, в брати, оже ввержен в ны ножь: да аще сего не правим, то большее зло встанеть в нас, и начнеть брат брата закалати, и погыбнет земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмутъ землю Русскую».²

Сознание необходимости единения перед лицом внешней опасности, возмущение моральной низостью современных летописцу русских князей, их раздорами, составляют основную мысль летописи в описании феодального разброда конца XI в. Не было «сякого зла» в Русской земле, не такие были русские князья в прежние времена, не разоряли они населения поборами, обороняли Русскую землю, советовались во всем со своей дружиной, в ладьях на холстинных парусах ходили на самую Византию, гнушались золотом и паволоками, любя одно оружие. «Отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьством, побарающе по Русьской земли, ины земли приискываху, а вы хотите погубити землю Русскую»,³ — в этом обращении к русским князьям в 1097 г. ключ к историческим воззрениям на события своего времени составителя «Повести временных лет». Есть и сейчас князья, подобные древнему Святославу — это Владимир Мономах; его держите, как бы хочет сказать выдубецкий летописец.

Своим призывом на борьбу со степью, к прекращению междоусобий и к сплочению вокруг Владимира Мономаха выдубецкий летописец внес последний штрих в «Повесть временных лет», сделав ее цельным и законченным произведением, отразившим глубокое понимание национальных задач и точно отвечавшим политическим запросам своего времени.

Впоследствии, когда составлялись новые летописи, «Повесть временных лет» всегда переписывалась в их начале. «Повесть» как бы служила политическим введением к разного рода городским, княжеским, митрополичьим летописям и идеи ее (идеи защиты родины) резко отражались в последующем летописании. В тяжкие годы татаро-монгольского ига бесчисленные списки «Повести временных лет», открывавшие собою местные,

¹ Лаврентьевская летопись под 1097 г.

² Там же.

³ Там же.

городские и княжеские летописи, напоминали русскому народу о временах его независимости, о былом могуществе его родины, о необходимости объединения для борьбы с грозным степным врагом. Призывы «Повести» к борьбе со степными кочевниками — половцами — воспринимались в те годы как призывы к борьбе с татарами и сыграли значительную роль в пропаганде идеи свержения татаро-монгольского ига на Руси.

Такова была замечательная русская летопись, созданная по повелению Владимира Мономаха.

3

Богатое разнообразными литературными фактами время Владимира ярче всего характеризуется произведениями самого Мономаха — талантливого и начитанного писателя.

Сохранившееся в единственном списке Лаврентьевской летописи 1377 г. «Поучение» Мономаха (в испорченном состоянии) распадается на два произведения: «грамотицу» Мономаха к своим детям («поучение» в собственном смысле этого слова) и послание Мономаха к князю Олегу Святославичу черниговскому, в котором он оплакивает своего сына Изяслава, убитого в 1096 г. под Муромом в сражении с войсками этого Олега, и просит отпустить захваченную им сноху — вдову Изяслава.

Идеологическое содержание «Поучения» Мономаха не ограничивается призывом сыновей и всех, «кто прочтет» его «Поучение», к единению, к прекращению междоусобий, к соблюдению общенациональных интересов. Идея борьбы с братоубийственными междоусобиями заключена была еще в завещании Ярослава I: «имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери». Мономах дает в автобиографической части своего «Поучения» образ мужественного, деятельного, смелого, неутомимого правителя, горячего печаловника о Русской земле, который «ночь и день, на зною и на зиме, не дал себе упокоя». Мономах приглашает заботиться о смерде, о челяди, о «хрестьяных душах» и «убогих вдовицах», призывает к строгому соблюдению крестных целований, осуждает междоусобия и особенно пользование военной помощью чужеземцев, поляков и половцев, которых наводили князья на Русскую землю для решения своих династических споров. «Не вдавайте сильным погубити человека», — пишет Мономах в «Поучении» и, вместе с тем, приглашает не лениться в учении, не лениться в дому своем и на молитве, не лениться «на войне и на ловех».

«На войну вышед, не ленитесь, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите [не предавайтесь], ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже ляжите, а рано встанете; а оружья не снимайте»

с себе вборзе, не разглядавшие ленощами, внезапно бо человек погыбает». ¹ Таков своеобразный воинский устав Мономаха.

Политическая программа Мономаха находит себе объяснение в событиях его времени. Мономах в общенародных интересах энергично стремился к смягчению феодальной эксплуатации, достигшей в конце XI в. чрезвычайно жестких форм, к установлению на Руси твердой и единой великокняжеской власти и к активному наступлению на степь.

Свой образ князя-патриота Мономах дополнил личным примером. Мономах описывает в «Поучении» свои «пути» и «ловы», т. е. военные и охотничьи подвиги, всюду, наряду с христианским идеалом воздержания от греха, молитвой, уважением к старшим и духовным лицам, проповедуя идею деятельной жизни, неустанного труда на пользу родины, отваги и энергичной защиты интересов своего народа. «А из Чернигова до Киева нестишь [около 100 раз] ездих ко отцю, днем есмь переездил до вечерни; а всех путей [походов] 80 и 3 великих, а прока [прочих] не испомню меньших. И миров есм створил с половчскими князи без единого 20... А се тружахься ловы дея... конь диких своима рукама связал есмь в пуцах 10 и 20... Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол;... вебрь ми на бедре мечь оттял... лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже...». ²

Реальным изображением княжеского поведения — походов, сражений, охот, заключений договоров, каждодневного, неустанного соблюдения народных интересов и т. д. — Мономах дополнил свои патриотические наставления, дал нарочитый образец для подражания.

Мономах не стремился составить в своем поучении законченную автобиографию или законченный автопортрет, а передавал лишь цепь примеров из своей жизни, которые он считал поучительными и в которых постоянно акцентируется им общественно-идейная сторона. В этом уменье выбрать из своей жизни то, что представляло не личный, а гражданский, общенациональный интерес, заключается замечательное своеобразие автобиографии Мономаха, резко противоположной эгоцентрической автобиографии протопопа Аввакума или автобиографическим отрывкам в переписке Курбского с Грозным — двум другим автобиографическим произведениям в древней русской литературе. Образ Мономаха выступает в «Поучении» как бы помимо его воли, чем достигает особенной художественной убедительности. «Поучение» Мономаха давало жизненный идеал князя-патриота, администратора, хозяина, воина, отвечало на конкретные запросы русской жизни. Можно предполагать, что

¹ Там же под 1096 г.

² Там же под 1095 г.

«Поучение» имело значительный резонанс в русской действительности. Не случайно Владимир Мономах был впоследствии идеализирован русской летописью.

4

Времени Мономаха принадлежит первое из дошедших описаний паломничеств — «Хождение» Даниила, также отразившее патриотические идеи эпохи. Средневековые паломничества в «святую землю» имели существенное познавательное значение, способствовали международному обмену культурными ценностями, приучали к терпимости и, вместе с тем, развивали в паломниках здоровое национальное чувство.

Замечательной чертой Даниила является отсутствие в нем каких бы то ни было узко местных тенденций. Всюду, куда он ни попадает, он чувствует себя представителем всей Русской земли в целом. Он называет себя «русские земли игуменом», у гроба Господня ставит «кандило» «от всея русьские земли», отличается терпимостью к чуждым верованиям (латинству и магометанству) и умеет всюду внушить к себе уважение, не вмешиваясь в распри сарацин и крестоносцев. Даниил свел знакомство со «старейшиной срациньским» и иерусалимским королем Балдуином I Фландрским (1110—1118) и побывал там, куда не пускали других.

Наши представления о литературе времени Мономаха далеко неполны, но и то, что мы знаем, свидетельствует о тех широких и разнообразных путях, на которые вступила в это время культура Киевского государства, черпавшая свои идейные силы в защите общенародных интересов, в идее единения перед лицом внешней опасности.

В литературе этого периода нет той стройности и торжественности, которая была в литературных произведениях времени Ярослава, но она ближе к русской жизни, она разнообразнее, как разнообразнее были и запросы эпохи, она беспокойна и тревожна, как тревожны были события того времени.
